

250 ЛЕТ ОФИЦИАЛЬНОГО ПРИЗНАНИЯ БУДДИЗМА В РОССИИ

(размышления о прошедшем юбилее
некоторое время спустя)

Любовь к юбилеям не столько в классическом (еврейско-греческо-латинском)¹, сколько в повседневно-бытовом смысле этого слова (10, 15, 25, 50, 75, 100 и более летиям чего бы и кого бы то ни было) — неотъемлемая черта нашего общества во все периоды его существования: расцвета и застоя, разгула репрессий и оттепели, перестройки и постперестройки. В наше смутное, нестабильное время юбилеи с их устоявшимся джентльменским набором мероприятий — стадионно-маршевыми геометрическими приветствиями, пионерами с цветами, фольклорными ансамблями, спортивными соревнованиями, собраниями общественности с вручением подарков от... и заключительным банкетом в честь... остались немногими островками традиционной стабильности.

Значимость и торжественность юбилея, конечно, зависят от того, проводят ли его в центре или на периферии, сколько спонсоров (знамение нашего коммерциализирующего общества) вложит в это свои деньги, сколь тугие у них кошельки, кое от чего еще, но прежде всего от удачно выбранного события в собственной (или не совсем) истории, отсчитав от которого энное число лет, можно отметить юбилей. Главное — убедить начальство, что такая дата существует. Оно, т. е. начальство, сегодня тоже здорово растерялось от обилия всяких предложений и от того, что само должно принимать решения, а не получать их сверху, и потому, если проявить настойчивость, его можно убедить, в чем угодно. Конечно, есть еще и ученые, которые недовольно бурчат по поводу надуманности некоторых дат, но в конце концов и они поймут, что всякий юбилей для их же блага, и придумают, как его лучше обосновать. На то они и ученые.

Так родился тот самый юбилей, о котором я хочу написать. В декабре 1990 г. до научной, востоковедческой и буддологической общественности столицы дошел первый слух о том, что Бурятия собирается отметить 250-летие буддизма в России. «Не маловато ли?» — подумали одни. «Почему в России?» — призадумались другие. Третьи, самые неленивые, достали с книжных полок кое-какую спецлитературу и лично убедились, что буддизм (или как мы еще недавно писали — ламаизм школы гелугпа, одна из разновидностей северного буддизма) появился в Бурятии как минимум лет на сто раньше, а то и более, и сказав себе: «это несерьезно!» и «этого не может быть», — отмени все слухи как нелепые.

Тем не менее колесо уже закрутилось. В феврале 1991 г. Всебурятский съезд консолидации и духовного возрождения нации, а за ним и ряд общественных организаций и даже Верховный Совет Суверенной Советской республики Бурятия приняли решение: юбилею быть! и именно 250-летнему! Потому что народ настроился, ученые уже готовят конференцию, деньги на юбилей уже получены, а главное, уже успели послать приглашение далай-ламе и получить от него хотя пока и не окончательное, но все же согласие на приезд.

За закрытыми дверями бурятского Совмина, в Бурятском научном центре и в республиканской прессе шла полемика: есть такая дата или нет и если нет, то все-таки как ее понаучнее обосновать, ибо уже ясно, что пути назад нет. Название юбилея менялось поэтапно: «250 лет буддизма в России», «250 лет буддизма в Бурятии» и, наконец, остановились на таком — «250-летие официального признания буддизма в России».

Отступление первое. Монголия и монголы познакомились с буддизмом в начале XIII в. еще при Чингисхане. Кидани, уйгуры, китайцы и тангуты — четыре народа из числа многих других, что были завоеваны Чингисханом и чьи земли вошли в состав его империи, — были буддистами и свои первые представления об этой религии монголы получили от них. При его внуке Хубилае, основателе Юаньской (монгольской) династии, правившей Китаем с 1260 по 1368 г., представитель тибетской буддийской школы сакьяпа Пагба-лама начал свою миссионерскую деятельность при императорском дворе в Ханбалыке (Пекине). В 1252 г. Хубилай и Пагба-лама подписали «Жемчужную грамоту» о разделе сфер влияния между светской (императорской) и духовной (буддийской) властью в Монгольской империи². Эту дату можно считать за отправную точку принятия буддизма в Монголии. Территория, населенная бурятами, в тот период входила в состав Монгольской империи под названием «Ара монгол» (Северная Монголия) и, стало быть, действие «Жемчужной грамоты» распространялось и на нее. Итак, 1252 г. — первая дата утверждения буддизма на территории, заселенной в то время предками нынешних бурят.

Однако сразу следует оговориться, что для бурят эта дата скорее теоретическая, нежели практическая, и не является показателем реального распространения у них буддизма в тот период истории. Кое-где на обширных землях Монгольской империи буддизм в XIII—XV вв. сумел создать свои опорные базы (например, в Харахорине и Долонноре), но отнюдь не в Бурятии.

Вторая волна распространения буддизма в Монголии началась в последней четверти XVI в. Она была связана с именем Алтан-хана, правителя одного из княжеств Северной Монголии. Именно он в 1576 г. созвал возле оз. Кукунор (ныне провинция Цинхай, КНР) съезд князей и нойонов Восточной, Западной и Южной Монголии, на котором буддизм школы гелугпа был объявлен государственной религией всей Монголии³. На этом съезде присутствовал иерарх школы гелугпа Содном Джамцо (Сонам Гьяцо), существовавшей в Тибете уже более 100 лет и уже занявшей к тому времени ведущее положение среди прочих школ Тибета. Именно здесь, на этой встрече, родился титул «далай-лама», присвоенный Алтан-ханом Содному Джамцо, который в свою очередь наградил им двух своих предшественников и тем самым сразу стал далай-ламой III. А через пару лет было принято «Положение о десяти добродетелях», запрещавшее совершение кровавых жертвоприношений, убийство любых живых существ, рекомендовавшее питаться молочной пищей, совершать благие деяния и вообще следовать учению Будды. Так началась вторая волна распространения буддизма в Монголии, имевшая для нее огромное политическое, экономическое, культурное значение. Территория Бурятии продолжала оставаться в подчинении у правителей аймаков Северной Монголии, поэтому к ней и ее населению события 1576 г. также имеют прямое отношение.

Вторая половина XVII в. — время завоевания русскими Сибири. Не останавливаясь на деталях этого довольно продолжительного процесса, отметим, что в 40—70-е годы XVII в. русские служилые люди — казачий десятник Москвитин, боярский сын Бекетов, а также проезжавший в Китай послом Николай Спафарий отмечали наличие у «брацких людей», т. е. бурят, войлочных дуганов, ламских капищ и священнослужителей лам, отправляющих богослужения в честь Будды и других богов пантеона⁴.

В 1701 г. в Забайкалье уже действовали 11 небольших дуганов, а в 1712 г. сюда прибыли 100 монгольских и 50 тибетских лам, что сразу резко усилило позиции буддизма. В конце 20-х — начале 30-х годов того же века на территории, где жили выходцы из Монголии цонголы, был построен первый в Бурятии стационарный монастырь (дацан), получивший название Цонгольского (он же Хилгантуевский — по местности, где находился). Кяхтинский договор от 14 июня 1728 г. утвердил размежевание границ между Бурятией как частью России и Монголией, ставшей к тому времени вассалом Китая. Наконец-то, перекрыв границы и добившись относительной «усидчивости» своих подданных, дотоле в

случае нужды свободно откочевывавших в Монголию, русское правительство решило присмотреться к местным вероисповедным делам и принять по ним какое-то решение. На подготовку решения ушло еще несколько лет, пока в 1741 г. императрица Елизавета Петровна подписала Указ, согласно которому в Бурятии признавалось существование «ламайской веры», утверждалось 11 дацанов (столько, сколько их было на тот момент) и 150 штатных лам при них⁵.

В 1853 г. было принято «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири», регламентировавшее вплоть до революции 1917 г. административный и экономический статус дацанов и лам⁶. Можно найти и еще кое-какие даты, но, думаю, достаточно.

Итак, мы ранее упомянули здесь 1252, 1576, 1712, 1741, 1853 гг. Каждая из этих дат для буддизма в Бурятии в той или иной мере судьбоносна, заслуживает того, чтобы о ней вспомнили потомки как об определенной вехе в истории культуры, каковой она на самом деле является. Не все они, конечно, равнозначны, но, думаю, не ошибусь, поставив на первое место по значимости 1576 г., 400-летие по прошествии которого можно было отметить в 1976 г., однако времена были неподходящие, и юбилей не состоялся. А сейчас и времена подходящие, и праздник очень нужен народу, да не просто праздник, а большого национально-культурного звучания. Словом, уже все понятно: указу императрицы Елизаветы Петровны и 1741 г. просто крупно повезло — во-время попался на глаза ищущим повода для празднования. Кто ищет, тот всегда найдет. Впрочем, поводов оказалось даже несколько, и в течение июля город Улан-Удэ и вся Бурятская ССР отметили друг за другом два серьезных юбилея: 325-летие основания г. Верхнеудинска — Улан-Удэ и 250-летие официального признания буддизма Россией.

В воскресенье 7 июля я прилетела в Улан-Удэ. В городе было малоллюдно: как оказалось, значительная часть горожан отмечала на ипподроме юбилей № 1. Я прошла по тихим городским улицам, и чуть не каждая свободная стена шелестела весьма привлекательными объявлениями:

«Улан-Удэнский городской совет народных депутатов, Республика-
нский центр народного творчества, Министерство культуры Бурят-
ской ССР, Отдел культуры горисполкома

325-летию

Верхнеудинска — Улан-Удэ посвящается народное праздничное действо. Приглашает улица Большая (ныне улица Ленина). Дулэн-хан и вестники праздника — Большой ёхор — выступление фольклорных коллективов — Верхнеудинская ярмарка-91 — Театральные игры — Книжный базар — Встречи с писателями, композиторами, художниками — Вернисажи — Молодецкие забавы — Комбинированная эстафета — Играй-город — Шутейные ребята».

Или вот еще такое:

«Улан-Удэнский городской совет народных депутатов

325-летию

Верхнеудинска посвящается.
О, город мой, жемчужина Сибири,
В оправе рек, степей и гор».

Театрализованное представление с участием мастеров искусств России и Бурятии.

«Войдите к нам с миром». — «Городу быти?». — «Верхнеудинская ярмарка». «Во дни торжеств и бед народных». — «Зажгите памяти бессмертной свечи». Мы говорим гостям: «Амар сайн». — «Россия тебя поздравляет». — «Ты ветрами овевая, ты птицами воспет». Встреча с участниками XIII республиканского фольклорного праздника. Лотерея.

К сожалению, все это уже состоялось вчера, а сегодня, в воскресенье, на ипподроме гулял Сурхарбан-91. Как гласили все те же афиши, любителей национального праздника ожидали бурятская борьба, стрельба из лука по кеглям конкурс силачей, волейбол, перетягивание каната, конный спорт (скачки, русская тройка, преодоление препятствий). Бурятский Сурхарбан — родственник мон-

гольского Надома. Изначально он состоял из национальной борьбы, стрельбы из лука по войлочным шарам и скачек. Кегли, волейбол и русская тройка — нововведение последних десятилетий. Конечно, я побывала на стадионе. Ко времени моего прихода все основное было позади, шли заезды русских троек и одновременно сверх программы проводились прыжки с парашютом. Кто-то из парашютистов, отнесенный ветром, приземлился на трибуны прямо на головы зрителей — смех, веселая возня. Основная часть участников праздника к тому времени уже облепила продовольственные ларьки и прилавки: тут и шашлык, и пиво, персики (еще зеленые), арбузы — но, цены! цены! Особенно энтузиазма происходящее на стадионе не вызывало. Город готовил себя к юбилею № 2. Впрочем, были и некоторые сложности.

Отступление второе. «Китай косвенно предупредил советского лидера Михаила Горбачева, что ему не следует встречаться с далай-ламой, когда этот ссыльный буддийский лидер посетит Москву на будущей неделе. Представитель Министерства иностранных дел Китая заявил, что для Горбачева не может быть исключения в неоднократно подтвержденной политике, согласно которой официальные лица других стран не должны встречаться с далай-ламой, которого Пекин считает политическим активистом, чьи действия направлены на раздел Китая. „Для китайского правительства неприемлемо, чтобы официальные лица любых других стран встречались с далай-ламой в любом качестве“, — сказал представитель министерства» (Известия. 1991. 5 июля).

Однако... Насчет ссыльного можно и поспорить. Далай-лама — не ссыльный, а беженец, коль скоро такой термин существует. События 1959 г. в Тибете не такая уж древняя история. Но главное даже не это, а тон, каким позволяют себе некоторые государства разговаривать с нашим президентом. Возникли слухи, что далай-лама может не приехать вообще, что ему могут отказать в визе, не желая портить отношения с Китаем, что... ну и так далее. Тем не менее город готовился к празднику — и не напрасно. 10 июля далай-лама, вопреки слухам, прибыл в Москву, 14 июля его ждали в Бурятии. Тем временем газета «Правда Бурятии» опубликовала следующее объявление:

«Богослужение — благословение

далай-ламы,

посвященное 250-летию буддизма в России, состоится 14 июля в 16 часов на стадионе им. 25-летия Бурятской АССР.

Рекомендуем всем иметь при себе хадаки и быть одетыми в свою национальную одежду.

Средства от сбора будут направлены целевым назначением на строительство Улан-Удэнского дацана.

Входная плата 10 руб.

Журналистскому корпусу, кинофотокорреспондентам, съемочным группам необходимо пройти аккредитацию в РЦНК (республиканском центре науки и культуры. — Н. Ж.) по адресу: ул. Красногвардейская, 32.

Аккредитацию представители иностранной прессы оплачивают в свободно конвертируемой валюте.

Билеты продаются в кассах филармонии, стадиона, кинотеатра „Прогресс“, у общественных распространителей с 11 июля» (Правда Бурятии. 1991. 10 июля)

Интересное объявление. А интересное в нем вот что. Богослужение-благословение далай-ламы планируется провести на стадионе подобно заурядным стандартным торжествам. 25-летие Бурятской АССР падает на 1948 г. — 10 лет как закончился разгром буддийской культуры и закрыты все дацаны Забайкалья, хотя в 1946 г. скорее по политическим, нежели по каким-либо другим причинам был открыт, а точнее, построен ранее не существовавший Иволгинский дацан. А вот адресованный всем призыв «надеть национальную одежду» и «иметь при себе хадак» (шелковый платок, голубой или белый), цвет и орнамент которого имеют благожелательную символику, пожалуй, слегка исторически запоздал. Мало кто из современных жителей Бурятии, за исключением глубоких стариков и старух, имеют, сохранив со времен своей молодости, национальную одежду.

Ее и в музее-то лишь в единичных экземплярах можно увидеть, не то что на людях. Тем не менее, забегая вперед, скажу: кто мог, тот внял этому призыву, но их было не так уже много. С хадаками ситуация приблизительно такая же. Где сейчас возьмешь тот нежный на ощупь, пристающий к малейшей шероховатости пальцев китайский шелк? В Бурятию его всегда ввозили из Китая, но уже более 30 лет таких поставок нет. Кое у кого такие хадаки хранятся чуть ли не с начала века. Так что и хадаки кое-кто принес с собой, тем более что их должен был благословить далай-лама.

И вот 14 июля наступило. С утра в аэропорту Улан-Удэ толпились журналисты, фотокорреспонденты, кинооператоры, верующие и просто любопытные граждане. Далай-лама — редкий гость в наших краях. Начиная с 1979 г. он в нашей стране четвертый раз.

В 16 час. на стадионе начинается богослужение-благословение далай-ламы. Жаркий июльский забайкальский вечер. Восточные трибуны слепнут от садящегося на западе солнца. Остальным легче, но все равно жарко. Открывает «мероприятие» высокое лицо республиканского штаба, приветствует гостей по-русски, его речь переводят на английский язык, далай-лама отвечает по-тибетски, его речь переводят на английский, бурятский и русский языки; на стадионе буряты, русские и гости — представители буддийских организаций стран Востока и Запада (Японии, Монголии, Южной и Северной Кореи, Бирмы — Мьянмы, Франции, Швейцарии, Голландии, США), были и представители ряда буддийских организаций СССР. Богослужение продолжалось час, включая перевод на три языка. На поле стадиона прямо перед далай-ламой сидели все ламы забайкальских бурят и ученики недавно открытой Высшей буддийской школы — всех вместе не более 55—60 человек. В некотором отдалении от них, образуя полукруг, занял позиции фольклорный ансамбль Бурятии в национальных одеждах и со столь необходимыми в данном случае хадаками в руках. В центре поля возвышался временно сооруженный помост, с которого два актера хорошо поставленными голосами то по-русски, то по-бурятски поздравляли далай-ламу и всех присутствующих с праздником, вкратце излагали этапы истории Бурятии, полуобнаженные танцовщицы республиканского молодежного танцевального ансамбля «Лотос» ловко вплетали в эти речи восточные танцы, не отставали и певцы с песнями о родине, о ее просторах и красоте. Одним словом, атмосфера праздничного гуляния, плохо совместимая с «богослужением-благословением» (возможно, что мою точку зрения разделяют далеко не все), царила на стадионе.

Цикл стадионных развлечений завершили соревнования по национальной борьбе, в ходе которых один герой-богатырь с мощным торсом и бицепсами уложил с десяток своих тщедушных и явно делающих лишь первые шаги на борцовском поприще соперников и под радостные крики зрителей был увенчан лаврами победителя. Все это, вместе взятое, продолжалось четыре часа. Под конец на поле вынесли охапку красных и зеленых шнурков, благословленных далай-ламой, которые верующие охотно носят на шее или на запястьях рук. Вот тут независимо от возраста спортивная сноровка потребовалась всем желающим получить этот предмет в личное пользование. Так произошло первое из общественных мероприятий юбилейного цикла, посвященного 250-летию официального признания буддизма в России.

Разумеется, официальная программа включала и религиозные события. Их, конечно, было намного больше, чем светских. Но и в том, как они проводились, тоже можно усмотреть две основные линии их видения: «оттуда» — со стороны далай-ламы и его ближайшего окружения и «отсюда» — со стороны жителей и гостей республики.

Не буду брать на себя смелость что-либо говорить от имени первых. Но думаю, что от их взгляда не укрылось преобладание суетливо-светского начала над духовной сущностью события. Да и откуда взяться духовной сущности, если над вытравлением ее из национальной культуры и из истории в целом немало потрудились несколько поколений «специалистов» высокого класса. Сейчас по

случаю столь значительного события местные власти были непрочь блеснуть «по духовной части», но миг такое не восстанавливается, нужны годы и годы. Не думаю, что высокие гости не обратили внимания также на обилие милиции, весьма рослой и преимущественно русской по национальности, удачно справлявшейся с задачей даже близко не подпустить толпу верующих к далай-ламе, чтобы никто из этой толпы никак и ничем не смог к нему прикоснуться, а ведь это было мечтой многих стариков и старух, доживающих на земле последние годы, а может быть, месяцы и дни своей жизни. Прикоснуться к далай-ламе — это возможность получить хотя бы частицу его святости и благодати. С возложенной на нее задачей милиция справилась блестяще, никто из стариков не сумел прорваться сквозь ее ряды.

Впрочем, через них довольно свободно проходили все зарубежные гости, представители прессы и иных средств массовой информации (и я в их числе), имевшие на шее пропуск с надписью ЦДУБ (Центральное духовное управление буддистов). Средства массовой информации могли беспрепятственно набираться святости, хотя вряд ли были способны адекватно оценить ее сокровенную сущность, и, наверное, она им все-таки менее необходима, чем простым верующим. И наверное, не укрылся от внимательного взора «живого Бога» низкий уровень подготовки наших лам. Во время двух проведенных им крупных религиозных служб в Иволгинском и Агинском дацанах — Майдар и Ван и небольших службах в Тамчинском (Гусиноозерском) и Ацагаском дацанах, эти изъяны давали о себе знать. «Повторяйте за мной», — говорит далай-лама, начиная читать известную буддистам всего мира молитву-заклинание *ом ма ни пад ме хум*. Как оратория в исполнении оркестра звучит она в устах далай-ламы, как монотонное бурчание провинившегося школьника — у наших лам. В подготовительную часть хурала Ван (посвящение) ⁷ входил обряд сотворения мандала — символического изображения Вселенной в буддийском понимании и трактовке ⁸. Концепция мандала и его роль в философии и практике буддизма очень важны, однако традиция его изготовления (лучше сказать — сотворения в живописном или скульптурном вариантах) в монастырях Забайкалья уже полвека как утрачена. Не вина монастырей в том, но больно и грустно, что в открывшемся в 1946 г. Иволгинском дацане так и не восстановили эту важнейшую традицию. В случае надобности пользуются уже готовой танка (иконой) с изображением мандала, но новую, разового назначения для какой-либо конкретной службы сделать не могут. Прибывшие в команде далай-ламы несколько тибетских лам из г. Дхармасала (Индия, штат Химачал Прадеш), где находится нынче резиденция далай-ламы, в течение двух дней цветным порошком делали мандала, посвященную Авалокитешваре, бодхисаттве милосердия, чьим воплощением («живым Богом») является далай-лама. Хорошо, что несколько кинооператоров и фотографов сумели отснять этот процесс-обряд во всех подробностях. Ведь если светская и духовная жизнь отныне будут развиваться в гармоническом единстве — так по крайней мере думают или уверяют, что думают, бурятские власти, то кино и фотомастера могут соорудить для бурятских лам из отснятого материала пособие по практике создания мандала — так думаю я.

15—16 июля в Иволгинском дацане проходил хурал Майдар (Круговращение Майтрен), посвященный ожидаемому приходу в мир будды грядущего мирового периода. Стержневое событие этой службы — объезд вокруг монастыря колесницы, в которую впряжен зеленый конь (не натуральный, а всего лишь его муляж) ⁹. На самой колеснице под балдахином, доступная взору окружающих, установлена фигура Майдара. Вслед за колесницей идет процессия верующих, совершающая одноразовый круговой обход вокруг монастыря. По времени вся церемония занимает менее часа... И тут цепь милиционеров, дружно взявшись за руки, как в языческом хороводе древних славян, не подпустила верующих к колеснице, разделив единую по замыслу процессию на две враждующие партии: «мы» (милиционеры плюс колесница с Майдаром) и «они» (все остальные), так и не поняв, что реализовали в этом искусственно созданном противостоянии древ-

нейшую бинарную оппозицию мы — они (свои — чужие) нарушив сакральное единство процессии и переиначив на свой лад древнейшую культурную парадигму, ибо именно милиционеры были в этой ситуации «чужими».

Я далека от мысли в чем-либо винить нашу милицию. Она выполняла свой долг, а долг в России — что в прежние века, что ныне — понятие многоуровневое, и долг перед начальством почти всегда оказывается выше долга перед народом.

Главной фигурой всех связанных с юбилеем событий был, несомненно, далай-лама. Его присутствие освящало собой все — от коллективной молитвы возле храма Цогчин Иволгинского дацана до собрания общественности и верующих в Бурятском театре оперы и балета, посвященного 250-летию признания бурятского буддизма, восхождение на гору Алханай — древнейшую языческую святыню не только бурят, но и их предков и праздничный банкет, устроенный хамбо-ламой (главой ЦДУБ Бурятии) в честь юбилея и всех прибывших гостей. Как раз в эти дни в Бурятии и Читинской области шли проливные дожди, газеты писали о наводнениях в Баргузинском, Кижингинском, Еравнинском районах. Но во всех духовных центрах, где ожидали посещения далай-ламы, по щиколотку в воде, часто даже без плащей и зонтов стояли люди, ждавшие его приезда.

Отступление третье. Некоторые данные из биографии далай-ламы XIV. Родился в 1935 г. в семье скотовода недалеко от оз. Хухунор на северо-востоке Тибета в деревушке Тагчер. В 1940 г. в пятилетнем возрасте был «найден» в качестве перерожденца умершего в декабре 1933 г. далай-ламы XIII. До официального посвящения в сан много лет учился, постигая теорию и практику буддизма. В неполные 16 лет был провозглашен далай-ламой, т. е. высшим духовным и политическим иерархом Тибета. В период мирных отношений Лхасы с Пекином получил светское образование в стенах Китайского народного университета в Пекине, был избран депутатом Всекитайского собрания народных представителей и заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП. Политическое и экономическое давление Китая вызвало в 1958 г. мятеж в Тибете, жестоко подавленный китайскими войсками. Весной 1959 г. далай-лама вместе с несколькими тысячами сподвижников бежал в Индию, попросив политического убежища, получил его и поселился в г. Дхармасала, где через некоторое время возникло Тибетское эмигрантское правительство, главой которого он стал. Попытки Китая и Тибета урегулировать взаимоотношения пока ни к чему не привели из-за взаимной неприемлемости требований обеих сторон. В 1989 г. далай-лама получил Нобелевскую премию мира, резко отрицательно воспринятую руководством КНР, но привлекающую внимание мировой общественности к трагедии тибетского народа, вынужденной эмиграции его главы, проблеме тибетских беженцев в странах Азии, Европы, Америки¹⁰.

Говорить о личности далай-ламы в каком-то одном аспекте, будь то «живой Бог», глава тибетского эмигрантского правительства или политический деятель международного масштаба, вряд ли имеет смысл, ибо он один во многих лицах. Часто упускают из виду еще одну его ипостась: он ко всему прочему рожден земной матерью, а значит — обыкновенный человек. Именно черты обычного человека мне были в нем наиболее интересны. Скорее это даже не черты, а черточки, проявлявшие себя в каких-то мимолетных деталях его поведения, срабатывавшие не только в отдельных бытовых ситуациях, но и в сакральных, например в момент совершения религиозных хуралов.

Несколько примеров. Идет в конце хурал Ван. Далай-лама читает проповедь о бодхичитте — психической энергии, нацеливающей живые существа на достижение состояния просветления. Проповедь — это не застывшая догма, это живой текст, связанный с сегодняшним днем верующих и мира, в котором они живут. Под сводами Иволгинского храма Цогчин звучат его слова: «Всегда, когда бывает возможность, я рад побуждать людей принять обет бодхичитты. Я рад, что в вашей стране после многих лет помех люди могут принимать этот обет. Принимая его, надо помнить, что добродетель следует накапливать на протяжении трех больших эпох, но даже в краткие промежутки времени можно накопить добрые

дела и заслуги, они зачтутся на пути к достижению просветления. А сейчас нам необходимо подготовиться к посвящению...», — тут его речь прерывается и он издает легкий хохоток, — «однако похоже, что мы с вами изобрели новую традицию: мандала осталась снаружи храма, а мы все внутри». Как только эта фраза прозвучала в одном конце зала в русском переводе, в другом конце — в английском, по залу волнами прошел смех. Все стихло. Служба продолжается. Суть эпизода в том, что посвящение, стержневая часть богослужения, должно совершаться возле того самого мандала, которое прибывшие с ним тибетские монахи нарисовали, а точнее — сотворили специально для этой службы. Мандала находится на галерее перед входом в храм, участникам обряда следует располагаться вокруг него в храмовом дворе. Но шел дождь, и довольно сильный, и далай-лама пригласил всех верующих войти в храм — так все оказались внутри, а мандала снаружи, объект и субъект обряда оторваны друг от друга, что и привело к «изобретению новой традиции».

Улыбка почти не сходит с его лица. Он любит фотографироваться с теми, кто вокруг, — верующими, корреспондентами, гостями и вовсе непонятными лицами, которых бывает так много во время юбилеев и особенно визитов высоких иностранных особ. Милосердие — свойство, присущее не только богам, в том числе живым, но и людям. Я думаю, не ошибусь, назвав его милосердие человеческим качеством. Да не упрекнут меня в мелочности, хотя заметно это было более всего в мелочах: мы прихлопывали на себе то комаров, то мух в зависимости от того, под дождем или под солнцем стояли, слушая его проповеди, и не замечали движения своих рук, руководимые лишь инстинктом. А он отгонял тех и других, забавно почесывался при укусе, даже если это был сакрально важный момент проповеди или ритуала. И делал это так же произвольно, как и мы, ибо одна из основных концепций буддизма — «в каждом живом существе заложена природа будды» — для него частица его сущности, а для нас, и то не для всех, — рационально усвоенное знание. Отсюда и разница в том, как срабатывал рефлекс.

Мне рассказали, в Агинске в его честь, да и в честь праздника тоже, устроили спортивные состязания. Борец-победитель получил в награду барана. Сейчас, в дни кризиса с мясом в стране, это ценный подарок, да и для поддержания борцовской формы он необходим. Печальную участь барана прочел далай-лама в счастливой улыбке борца и предложил ему любые деньги, чтобы баран остался в живых. Надо ли объяснять, что баран жив и поныне и что ему обеспечена долгая безбедная жизнь и почетная старость со священной ленточкой на шее — знаком особой милости далай-ламы. Впрочем, может быть, это на ходу сочиненная легенда, но уж больно похожа на правду.

Уже в Москве группа представителей бурятской культурной ассоциации «Восточные ворота», снимавшей совместно с Мосфильмом видеofilm о далай-ламе, смогла задать ему несколько вопросов не на официальной пресс-конференции, а в достаточно приватной обстановке. Среди заданных ему вопросов был такой:

— Ваше святейшество. Вы стали далай-ламой в очень юном возрасте. Скажите, что чувствует маленький мальчик, получая в руки такую власть и такую ответственность?

Я несколько раз просматривала пленку с записью этой беседы. Не могу забыть его счастливую и немного лукавую улыбку, когда он начал рассказывать о своем детстве, о том, как его нашли в качестве возможного преемника умершего за семь лет до этого далай-ламы XIII, как его и других детей вместе с братьями, сестрами и родителями везли из далекой деревни в Лхасу и какое это было счастливое время. Перед нами сидел один из самых великих духовных авторитетов мира, человек, которому открыты вершины духовного бытия. Но мы видели лишь счастливого мальчишку, вспоминавшего далекое детство, жизненный путь которого и вся та жизнь, которую он ведет сейчас как глава тибетского буддизма и как политический деятель, защищающий интересы своего народа, не оставляют

ему времени и сил на эти воспоминания. Благодарность за радость, доставленную нашим вопросом, светилась в глазах далай-ламы — человека.

Пресс-конференция далай-ламы. О ней мечтали все журналисты, и не только они, с момента его приезда. Слухи о том, что она вот-вот состоится, хотя ни в каких программах не значилась, будоражили народ. Каждому казалось, что его вопрос самый важный и он обязательно должен успеть его задать. И вот 15 июля 1991 г., 11 час. утра, маленький зал гостиницы Иволгинского дацана. Присутствуют далай-лама, его ближайшее окружение и примерно три десятка представителей советской прессы, радио, кино, телевидения (Сибирь-кино, детский журнал «Ласточка», ТАСС, несуществующий пока журнал «Альтруист», газеты «Бурятия», «Правда Бурятии», «Унэн», Информационное агентство «Новости», журналы «Байкал» и «Священный Байкал», Ассоциация буддистов Бурятии и пр.). Объявлено, что пресс-конференция продлится только 40 минут. Открывая ее, далай-лама отметил изменения в стране за время, прошедшее с его первого посещения в 1979 г., оценил возросший интерес к национальной культуре, сказал, что бурятская и тибетская культуры близки по своим истокам и духу, и потому он от имени своего народа будет всячески оказывать помощь в возрождении бурятской культуры.

Когда, наконец, перешли к вопросам, обнаружилось явное тяготение журналистов к политике, к оценке далай-ламой идеи всеобщего равенства и братства, потерпевшей поражение в нашей стране, к его отношению к расколу СССР, к перспективам встречи с М. С. Горбачевым (вопрос бестактный, учитывая публикацию в нашей прессе китайской ноты по данному вопросу — см. выше). Вообще вопрос, «что бы сказал лауреат Нобелевской премии мира далай-лама XIV лауреату Нобелевской премии мира Михаилу Горбачеву, если бы они вдруг встретились?», в абсолютно идентичной формулировке неоднократно задавался в эти дни, насколько мне известно, разными журналистами на пресс-конференциях с далай-ламой, прошедших в Союзе (Улан-Удэ, пос. Агинском, Москве, Элисте). Что это? Неспособность журналистов мыслить нестандартными категориями? Уверенность, что ни о чем более интересном у далай-ламы и спросить нельзя? Гипертрофированная переоценка значимости подобных вопросов и возможных ответов на них по сравнению с другими проблемами, интересующими людей? Для меня это так и осталось загадкой.

Чтобы как-то сориентировать читателя в том, что «хотят» от далай-ламы наши журналисты, перечислю несколько вопросов:

— Какую помощь советским буддистам Вы можете оказать: в частности, священной литературой, предоставлением им возможности учиться за рубежом?

— Какие у Вас складываются отношения с СССР и Китаем?

— Есть ли возможность содействовать Вам в возвращении на родину?

— Как Вы относитесь к Иисусу Христу?

— Чингисхан много сделал для распространения буддизма у монголов. Нельзя ли в связи с этим приобщить его к лику святых в буддизме?

— Как Вы относитесь к расколу в буддийской общине СССР, к тому, что некоторые из возникших недавно общин не желают подчиняться Центральному духовному управлению буддистов?

И опять-таки понравившиеся мне вопросы корреспондентов ассоциации «Восточные ворота»:

— Как объяснить людям сегодня изречение Будды «все люди счастливы от рождения»?

— Во время проповеди в Иволгинском дацане Вы сказали, что главное при выборе жизненного пути — это свобода. Что такое для Вас свобода?

— Есть две формы культа — дацанские (монастырские) и внедацанские (внемонастырские). Как Вы относитесь ко вторым?

— Какую роль играют в Вашей жизни искусство, поэзия, живопись?

Извечно действующее правило «каков вопрос, таков ответ» срабатывало и здесь, явив разные ипостаси личности далай-ламы: в одних ответах на первое место выступал дипломат, в других — религиозный деятель, в третьих — человек.

Он дипломатично уклонялся от вопросов об оценке ситуации в нашей стране, в том числе и раскола в буддийской общине, давая понять, что это наше внутреннее дело, обещал оказывать всемерную помощь возрождающимся буддийским общинам в разных районах России, высоко оценил личность Иисуса Христа и вызванное им к жизни учение как один из возможных путей поиска и достижения духовного совершенства; отклонил попытку «протащить» Чингисхана в пантеон буддийских богов, не отвергая, впрочем, его чисто исторических заслуг в распространении буддизма у монголов.

Что касается беседы с группой «Восточные ворота», ее даже трудно назвать ответом на вопросы, хотя внешне это выглядело именно так — мне кажется, что эту встречу можно считать взаимно радостным погружением в тот мир, где рождается духовное единение живущих в разных пространственно-временных срезах людей.

Был и у меня вопрос к далай-ламе, но я не сумела его задать и по недостатку времени, отпущенному на пресс-конференции, и из-за отсутствия журналистской хватки, позволяющей, перебивая других, выкрикивать свои вопросы громче всех. Вот он:

— Ваше святейшество, нетерпимость — одна из главных болезней нашего общества. И в среде буддистов существует много течений, направлений и школ, и всяк считает свое учение наиболее правильным. Есть ли лекарство от этой болезни и как долго может продолжаться процесс исцеления?

Мне кажется, я знаю, что он бы мне ответил, но... вопрос не был задан, ответа не прозвучало.

Никто из организаторов пресс-конференции не предусмотрел такого варианта, что далай-лама может начать задавать вопросы сам и сделать это публично, и не на встрече с общественностью, у которой на все заданные и незаданные в мире вопросы всегда есть готовые ответы, а по окончании храмовой службы выйти к верующим и спросить их о том, что ему интересно. Это было в Тамчинском дацане 17 июля, во второй половине дня. По окончании службы и последующей за ней коллективной молитвы во дворе Тамчинского дацана далай-лама неожиданно обратился к толпившимся во дворце людям с таким вопросом:

— Сколько в этом поселке живет бурятских семей?

Вопрос вызвал замешательство, люди мялись, переговаривались, далай-лама терпеливо ждал. Наконец, из толпы прозвучал ответ: Сорок! (поселок Гусиное озеро — просьба не путать с г. Гусиноозерском — возник возле монастыря и особенно разросся с появлением одноименной железнодорожной станции на линии Улан-Удэ — Улан-Батор, сейчас в нем более 7 тыс. жителей). Последовал второй вопрос:

— Есть ли возможность у детей изучать в школе бурятский язык? Опять замешательство и ответ: Нет!, потом через несколько секунд: Да! — явная раздвоенность в мыслях. Где-то можно, где-то нельзя.

И еще вопрос:

— Есть ли литература на бурятском языке по буддизму?

Ну тут уж все однозначно ответили: Нет!

На русском языке есть, на бурятском — нет. Не то, чтобы совсем нет, была и до революции, и в первые годы после. Но поди ее достань сейчас. А новую надо написать, перевести с русского, а можно — и с английского, а тексты — с тибетского или старомонгольского. На прощание далай-лама дарит дацану свои книги на английском языке. Для здешних мест это скорее святыня, чем книга для чтения. Кто здесь сможет ее прочесть по-английски?

Звучит его последнее напутствие тамчинцам: национальная культура должна сохраняться не только в монастырях, ее следует изучать в школе, о ней нужна литература на родном языке. Буддийское учение — это не только то, что мы делаем в храме, оно должно быть частью нашей повседневной жизни. Ничего

не скажешь, рекомендация, полезная на все времена. Иногда кажется, что далай-лама лучше понимает наши проблемы, чем мы сами.

А еще была конференция, одноименная с происходящим юбилеем. Проводил ее Бурятский научный центр СО АН СССР 16 и 17 июля в Доме общественно-политического центра. Программа и сборник тезисов, изданные к конференции¹¹, взаимно дополняли друг друга. Однако действенность переиначила все. Кто-то не смог приехать. Другие с большим энтузиазмом отнеслись к программе пребывания в Бурятии далай-ламы, чем к программе конференции. Я сама по той же причине уделила ей внимание только в первый день работы. На фоне происходивших в республике событий конференция особой яркостью не выделялась. Первые несколько докладов (Р. Е. Пубаев, Г. Л. Санжиев, К. М. Герасимова, Т. М. Михайлов), в значительной степени повторяя друг друга, со ссылками на одни и те же источники доказывали, что буддизм в Бурятии намного древнее того юбилея, который отмечает сейчас республика. Мнение, высказанное бывшими атеистами, а ныне «китами» местной буддологии, лишний раз доказывало, что им уже задним числом хочется оправдаться перед ученым миром за согласие на утверждение юбилейной даты и убедить, что буддизм в Бурятии куда древнее. Однако были интересные доклады. Скажу лишь о нескольких, на которых присутствовала сама. Все они оказались объединенными определенной преемственностью сюжетов. Три из них — Г. Н. Заятеев («Агван Доржиев — выдающийся буддийский деятель России»), Г. Ш. Доржиева («Деятельность Агвана Доржиева в Калмыкии») и Тхубтен Норбу, старший брат далай-ламы, представляющий ныне университет Анн-Арбора в США и интересы далай-ламы в Японии (его доклад, посвященный под названием «Тибетский буддизм в США», был на самом деле посвящен тибетско-бурятским религиозным и культурным связям, а здесь опять-таки не обойтись без Агвана Доржиева) — имели отношение к фигуре выдающегося деятеля и реформатора буддизма, бурята по национальности, религиозная и общественная деятельность которого протекала в Бурятии, Калмыкии, Тибете. А. Доржиев пытался в смутное время конца XIX — первой трети XX в. сделать максимально много: реформировать буддизм на основе обновленческой платформы, построить буддийский храм в Петрограде, наладить дипломатические отношения между Тибетом и далай-ламой и Россией. Ему не удалось это сделать до революции 1917 г. как, впрочем, не удается это сделать и сейчас — в постперестроечное время¹². Деятельность этого человека была столь неординарна, что совершенно ординарным для нашего общества был ее конец — смерть в тюремной больнице в 1938 г. и безымянная могила. Тхубтен Норбу в своем скорее лирическом, чем научном докладе напомнил о том, что А. Доржиев был одним из семи учителей далай-ламы XIII, предшественника нынешнего далай-ламы XIV, а также вспомнил одного из своих учителей, бурята по национальности, который учил его в молодости азам буддийской премудрости. За последние полвека об А. Доржиеве у нас не печаталось почти ничего, точнее говоря, ничего хорошего. Пришло время заново оценить его роль в истории бурятского и калмыцкого буддизма. В Тибете, судя по словам далай-ламы, о нем не забывали никогда. Отрадно отметить приуроченный к юбилею и конференции выход первой посвященной ему хотя и тоненькой, но все же книжечки¹³.

И еще один доклад хотелось бы отметить особо: В. Н. Пупышев, «О тантрийской традиции в Бурятии». В 1972—1973 гг. в общественной жизни Бурятии случилось событие, которое до сих пор позорным пятном лежит на совести ее тогдашних правителей, да и некоторых кругов интеллигенции. В историю оно вошло под названием «Дело Дандарона»¹⁴. В те годы уже вовсю шли процессы над диссидентами — людьми, «страдающими» политическим, культурным, религиозным и всякими прочими видами инакомыслия. Любая предпринимавшаяся ими попытка что-то самостоятельно осмыслить в одиночку или тем более в кругу единомышленников, в какой бы среде ни происходило дело — рабочих, верующих, творческой интеллигенции (она особо отличалась инако-

мыслием) — немедленно пресекалась. Колесо истории эпохи действовало неумолимо: суд, лагерь, психушка, высылка на Запад.

«Учитель» — называли Бидию Дандарона его ученики, прямые и косвенные, те, что прошли с ним путь унижения ложью, несправедного суда и каждого из которых в дальнейшем жизнь была и ломала по-своему. И сегодня по прошествии 20 лет со времени этого «дела» те из них, кто выжил по эту или по ту сторону «бугра», чем бы они ни занимались (профессии у них разные, но интерес к буддологии общий), продолжают произносить его имя с тем особым выражением, которое могут себе позволить только настоящие ученики по отношению к настоящему Учителю.

Б. Д. Дандарон пытался вместе с небольшой группой последователей возродить в Бурятии практически утраченную тантрийскую традицию буддизма. Он шел по стопам своих учителей — Самдана Цыденова и Джаякса-гэгэна, которые пытались это сделать в начале XX в., но попытка эта и ее авторы сгинули в вихре политических событий в Забайкалье в первые послереволюционные годы. Затем перерыв в полвека и новая попытка, которую мог предпринять только Дандарон и более никто, ибо живых носителей этой традиции в Бурятии к тому времени не осталось. Попутно возникает лозунг «Тантра — на Запад!», ибо ни одна из буддийских традиций не имеет ни политических, ни этнических границ, следовать ей может каждый независимо от пятого пункта в анкете и места прописки в паспорте. Так появились ученики в Москве, Ленинграде, Тарту, вероятно, и в других городах.

Здесь не место описывать, что и как было, да и докладчик не останавливался на внешней истории этой попытки. Он говорил о внутреннем, о сокровенном: когда есть Учитель, появляются ученики, традиция оживает. Учитель погиб (в ИТЛ при невыясненных обстоятельствах), но толчок, данный им, сработал. Вечная ему память! — таковы последние слова докладчика. В Бурятии это первая со времени того памятно-гносного процесса попытка ученика публично воздать должное Учителю.

В докладе не было ни обвинений, ни нравственной оценки поведения тех, кто в свое время приложил руку к этому «делу», а некоторое их число сидело среди слушателей в зале — ничего этого не было. Были Учитель и Ученик и светлая память, соединившая их обоих.

И еще одно — пожалуй, самое важное, беспокоящее и настораживающее. До 1990 г. у бурят Забайкалья действовали два дацана: Иволгинский (в Бурятской АССР, в 30 км к югу от Улан-Удэ) и Агинский (в Читинской обл., в 7 км от районного центра, пос. Агинский). За последние два года, особенно в последние месяцы, на бурятской земле зарегистрированы (освящены, начали действовать) еще 10 дацанов: Аннинский, Санагинский, Эгитуйский, Ацагатский, Тамчинский, Кыренский, Мурочинский, Гэгэтуйский (в Бурятской ССР), Цугольский (в Читинской обл.), Усть-Ордынский (в Иркутской обл.). Возможно, к тому времени, как будет опубликована эта статья, их число еще больше возрастет. Хорошо это или плохо? И так и эдак. Возрождение национальной культуры, тесно взаимосвязанной с буддизмом, процесс необходимый, но долгий и небезболезненный. Разрушение буддийской культуры в 1930-е годы было всенародной трагедией, сейчас, по прошествии более полувека, начинать приходится едва ли не на ровном месте. Это не только метафора. Во многих районах республики от 47 действовавших в начале века дацанов не сохранилось ничего, порой даже памяти о том, на каком именно месте они стояли. Сейчас большинство дацанов закладываются заново, за исключением, может быть, Тамчинского. Пожалуй, стоит о нем рассказать несколько подробнее и в связи с ним поговорить о том, что именно беспокоит в тенденции начавшегося бурного дацанского строительства.

Гусиноозерский дацан — так его называли в русских официальных документах, буряты же называли его Тамчинский (по местности Тамча, где он расположен) — основан в 1741 г. Именно ему в эти дни исполнилось 250 лет. Именно на его

территории по праву должен был отмечаться официально весь праздник официального признания буддизма в России.

С 1809 по 1937 г. он был главным дацаном Бурятии. Он назывался еще хамбинским, потому что в нем жили бандидо хабо-ламы — высшие духовные лица в иерархии священнослужителей в Забайкалье.

О бедах и невзгодах дацана уже в наши дни нам рассказал активист местной общины В. А. Аюржанаев. Когда-то в Тамчинском дацане было 17 дуганов (т. е. храмов), сейчас их только два. Тот, в котором идет служба, называется Чойра. Здесь должны проводиться и когда-то проводились эзотерические тантрийские хуралы. Сейчас для проведения таких хуралов нет в Бурятии по-настоящему образованных лам. Нет у дацана даже нужного числа икон. На весь огромный храм их висит менее двух десятков, а главное божество — охранитель храма Лхамо представлен не иконой, а маленькой фотографией. Не очень желает делиться с Тамчинским дацаном своими тоже не очень значительными сокровищами Иволгинский дацан. А община в поселке Тамча маленькая, пока не более 50 человек. Правда, в тот вечер, когда далай-лама посетил его и отслужил в нем хурал, здесь собралось несколько сотен человек, большая их часть приехала издалека.

Второй дуган — это бывший главный храм Цогчин. 30 лет он находится в реставрации. В него уже вложен миллион, но результатов пока не видно. На всех его трех этажах следы многолетнего запустения: птичий помет, груды мусора, свалка строительных материалов. Тамчинский дацан бездействовал с конца 1930-х годов по 1990 г. В декабре 1990 г. его освятили и он опять стал действующим дацаном. Перед входом в Цогчин установили «золотую коновязь» (*алтан сэргэ*) — ту самую, к которой, как гласит местная мифология, привязывают своих коней все боги, съезжающиеся на хурал, созываемые звуками длинных и коротких труб, рокотом барабанов, нежным поэзьякиванием колокольчиков. Эту коновязь описывали все, кто бывал в прежние времена в этом дацане. В конце 1930-х годов, ломая монастырские постройки, выворотили и эту коновязь, в роли которой выступал оленный камень, которому по определению археологов 3,5 тыс. лет. Несколько десятилетий о его судьбе ничего не было известно. Однако несколько лет назад его случайно обнаружили в фундаменте одной из недавних построек. Призвали археологов, искусствоведов, реставраторов, сообща сообразили, что именно перед ними находится — и вот *алтан сэргэ* снова стоит на своем месте.

Своих лам, постоянно живущих при дацане, пока еще нет. Даже настоятель дацана — и тот живет в Иволгинске и только на время проведения хуралов приезжает оттуда. В Бурятии вообще не более 40 лам — они обслуживают два дацана. Высшая буддийская школа при Иволгинском дацане открылась только в этом году и когда еще будет первый ее выпуск, а выпускников Буддийской духовной академии Улан-Батора пока считанные единицы. А представьте, сколько их надо, если дацанов уже 12? Нужны настоящие ламы, хорошо бы из Тибета — они будут и хуралы правильно служить, и прихожанам объяснят, что к чему, — народ в храм приходит, но ни молиться, ни понимать происходящее пока не в состоянии. Нужен хороший знающий пастырь.

Вот такие проблемы сейчас у Тамчинского дацана. Наверное, это даже не полный их перечень, а лишь часть — те, что лежат на поверхности и которые, наверное, следует решать в первую очередь.

Приблизительно такие же проблемы у других дацанов: где взять средства, кто будет строить новые здания и реставрировать старые, отсутствие храмового культового инвентаря (неясно, где его доставать: музеи не очень-то склонны расставаться со своим имуществом¹⁵, в свое время изъятым из дацанов, а в семьях верующих мало что сохранилось). Ну и, конечно, кадры, которые, как известно, решают все. И в нынешнем движении за возрождение буддийской монастырской культуры, если даже будет все остальное, но не будет образованных лам, ничего не получится, точнее, получится пародия на замышлявшееся воз-

рождение. Может быть, не спешить? Понимаю, что велик соблазн сделать все сразу одним рывком. В ритме рывка развивается вся наша история после 1917 г. — в ритме рывка громили, в ритме рывка строили, еще рывок — и победа! И все же возрождение рывком невозможно. Продуманность, постепенность, а не десяток дежурных освящений едва заложенных храмов и, главное, ответственность перед народом Бурятии, поверившим, что утраченную многовековую культуру можно возродить не на словах, а на деле — именно это прежде всего требуется от тех, кто встал на этот непростой и некроткий путь. Вот такие мысли возникли у меня в связи с 250-летием официального признания буддизма в России и с юбилейными торжествами по этому случаю.

Примечания

- ¹ Yobel у евреев — обычай раз в 50 лет освобождать всех рабов еврейской национальности и возвращать им право собственности на отнятую у них землю; jubilaecus у населения Италии — полная индульгенция, объявляемая папой раз в 25 лет, обычай установлен папой Павлом II в 1470 г.; юбилей в более поздних традициях — 25- или 50-летняя годовщина со дня какого-либо события: Webster's New Collegiate Dictionary. 1960. P. 456.
- ² Бира III. Монгольская историография (XIII—XVII вв.) М., 1978. С. 85—86.
- ³ Абаева Л. Л. Сколько лет буддийской вере в Бурятии?//Молодежь Бурятии. 1991. 13 июля.
- С. 10.
- ⁴ Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1983. С. 12—13.
- ⁵ Там же. С. 17—18.
- ⁶ Там же. С. 30—33.
- ⁷ Служба Ван была повторена в полном объеме 19—20 июля в Агинском дацане Читинской обл.
- ⁸ См. о мандала: Tucci G. The Theory and Practice of the Mandala. L., 1961; Жуковская Н. Л. Мандала как предмет ламаистского культа//Культура народов зарубежной Азии. Сб. МАЭ, т. 29. Л., 1973; Топоров В. Н. Мандала//Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
- ⁹ Зеленый цвет — один из пяти основных в цветовой палитре буддизма (белый, желтый, красный, зеленый, синий); с зеленым цветом в буддийской картине мира ассоциированы будда непогрешимой истины Амогасиддхи, страна света — север, элемент — воздух, чувство — обоняние, животное-спутник — Гаруда, будда грядущего мирового периода Майтрея (бурят. Майдар).
- ¹⁰ Дашиев Д. Г. Далай-лама. Улан-Удэ, 1991. Goodman T. The Last Dalai-lama a Biography. L., 1986.
- ¹¹ 250-летие официального признания буддизма в России//Тез. докл. науч. конф. 16—17 июля 1991 г. Улан-Удэ, 1991.
- ¹² См. на эту тему: Кулешов Н. Зачем нам далай-лама?//Моск. новости. 1991. № 30. 28 июля.
- С. 13.
- ¹³ Заятуев Г. Н. Агван Дорджиев. Улан-Удэ, 1991.
- ¹⁴ Материалы этого дела пока в основном опубликованы за рубежом: Дело Дандарона/Сост. Семека Е. Firenze, 1974; Piatigorsky A. The Departure of Dandaron//Kontinent. 2. 1977. В нашей стране см.: Монтлевич В. М. Тантра на Запад!//Наука и религия. 1991. № 2; ego же. Б. Д. Дандарон — ученый-буддолог и религиозный деятель//Ступени. Философский журн. Л., 1991. № 1. С. 155.
- ¹⁵ Следует отметить великий почин Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Санкт-Петербург), вернувшего летом 1991 г. Агинскому дацану более 2 тыс. предметов ламаистского культа, поступивших в свое время в коллекцию музея после закрытия этого монастыря.

250 Years of Buddhism Officially Recognized in Russia (Reflections after the Anniversary)

The article describes the anniversary of Buddhism in Russia which was celebrated in Buryatiya in July 1991. The recent years were marked by Buddhist cultural revival in the republic. The celebration involved reopening some old monasteries, publishing of Buddhist books, etc. The author discusses the correlation between clerical and secular elements in the celebration, the personality of Dalai-lama XIV, who was in the centre of the ceremonies, economic viability of newly created monasteries. Finally the author points out that it is hard (though necessary) to distinguish between the genuine Buddhist revival and «Buddhist» modern fads.